

Российская академия наук
Институт экономики

О.Б. Кошовец
П.А. Ореховский

«ЭКОНОМИКА» ПРОТИВ
«ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ»:
СТРУКТУРАЛИСТСКИЙ АНАЛИЗ

Москва
Институт экономики
2018

Кошовец О.Б., Ореховский П.А. «Экономика» против «экономической системы»: структуралистский анализ: Доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 48 с.

ISBN 978-5-9940-0621-4

Аннотация. Структурализм как специфическая научная практика начала XX в. оказал значительное воздействие на преобразование предметной области экономической теории и способы производства знания. В докладе показано его влияние на трансформацию точных и гуманитарных наук, а также к чему в итоге привели деонтологизация и десубъективизация знания и усвоение интеллектуальных образцов этой эволюции экономической теорией. В крайне формализованной и абстрактной экономической теории мейнстрима обнаруживается жесткая морфологическая структура, подчинившая содержание и напоминающая структуру «волшебной сказки», выявленную В. Проппом. Во второй части анализируются сложившиеся типы «дискурсивных практик» концептуализации «экономического»: «экономика» и «экономическая система». Приводятся примеры успешных и проблематичных концептов указанных дискурсов, которые оцениваются с позиций их реального влияния на экономическую политику.

Ключевые слова: структурализм, эпистемология, онтология, человеческий капитал, фиатные деньги, неомеркантилизм, технологические уклады.

Классификация JEL: A10, A12, B41, Z10.

O. Koshovets, P. Orekhovsky. Discursive practices of «economy» and «economic system» and structuralism. – М.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2018. – 48 p.

Abstract. Structuralism as a specific scientific practice of the early 20th century had a significant impact on the transformation of economics subject matter and the ways of knowledge producing. Structuralism has led to the radical transformation of the mathematics and humanities caused deontologisation and desubjectivityisation of knowledge and economics has fully adopted key intellectual patterns of this movement. Eventually, one can find a rigid morphological structure in the highly formalized and abstract mainstream economic theory and its features resemble the structure of the “fairy tale” discovered by V. Propp. The second part considers the existing types of “discursive practices” conceptualizing the “economic” that is “economy” and “economic system”. Examples of successful and problematic concepts of these discourses and their real influence on economic policy are given.

Keywords: structuralism, epistemology, ontology, discourse practices, human capital, fiat money, neomercantilism.

JEL Classification: A10, A12, B41, Z10.

© Кошовец О.Б., Ореховский П.А., 2018
© Институт экономики РАН, 2018
© Валериус В.Е., дизайн 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
----------------	---

Часть 1.

СТРУКТУРАЛИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ОТ НАУКИ К СКАЗКЕ

1.1. Структура и превращение математики в инструмент	7
1.2. Структура и принципиальная трансформация объекта гуманитарных наук	11
1.3. Структура: деонтологизация и десубъективация научного знания	13
1.4. Дискурс «экономики» и волшебная сказка: структуралистский анализ мейнстрима	15

Часть 2.

«ЭКОНОМИКА» И «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА» КАК ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ «ЭКОНОМИЧЕСКОГО»

2.1. «Области дискурсивных практик»: методологические замечания	24
2.2. Универсализм и логический реализм дискурса «экономики»	27
Человеческий капитал	29
Всеобщий эквивалент и фиатные деньги	30
Макроэкономическое равновесие и система национальных счетов	32
2.3. Дискурс «экономической системы»: структурный и системный подход	32

2.4. Эмпирика и номинализм дискурса	
«экономических систем»	36
Неомеркантилизм и латиноамериканский структурализм	37
Технологические уклады	39
Вместо заключения:	
о «скромном обаянии» экономической теории	42
Литература	44
Об авторах	48

ВВЕДЕНИЕ

Структурализм как одна из доминирующих научных парадигм, сложившихся в начале XX века, оказал огромное влияние как на весь корпус наук, так и на экономическую теорию в частности. В рамках данного доклада наибольший интерес для нас представляет само появление внимания к структурным компонентам в ходе научного познания и связанное с этим изменение исследовательских стратегий и способов построения предметной области. Обычно структуралистский подход связывают с развитием абстрактно-теоретического уровня в гуманитарных науках, ключевым следствием которого стала трансформация их объекта. Однако не менее важное значение структурный подход имеет для преобразования научного статуса математики, ее претензий на роль не только основного средства репрезентации Мира, но и языка науки. Далее мы постараемся показать, что структуралистский подход был целиком воспринят и адаптирован в рамках экономического знания по целому ряду причин, при этом он как создал новые возможности, так и внес принципиальные ограничения.

В рамках нашего исследования структуралистский подход как средство конструирования «экономического» станет не только объектом, но и средством анализа, поскольку во второй части доклада предметом нашего интереса являются сложившиеся «области дискурсивных практик» в отношении «экономического». На основе некоторых элементов методологии структурализма (дискурсивный анализ) в рамках сложившейся системы экономического знания можно условно выделить два основных подхода к концептуализации «экономического». В первом случае это дискурсивная практика «экономики», понимаемая как совокупность соответствующих законов (правил) структур. Здесь возможно *задать максимально универсальный абстрактный объект*, который выходит не только за пределы пространственно-временной ограниченности (экономиче-

ские законы одинаковы и существует везде и всегда), но и за пределы порождающей дисциплинарной области (экономическое поведение универсально).

Во втором случае речь идет не только о возможности *описать реальную (наблюдаемую) целостность* (систему), принимая во внимание ее пространственно-временное и качественное своеобразие, но также и о поисках инвариантных структур, которые существуют в рамках некой многообразной целостности и сохраняются неизменными. Подобные инвариантные структуры устойчиво воспроизводятся этой целостностью — однако механизм воспроизводства, как правило, не описывается, а просто вводится как онтологическая предпосылка.

Структуралистский подход обнаруживается и в рамках дискурса «экономики», и в рамках дискурса «экономических систем», так как объект задается через понятие «структуры». Однако в одном случае структура — это правила построения объекта и порождения типологически схожих объектов, а во втором — совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождество самому себе. Выраженная структурная компонента при построении предметной области позволяет в случае дискурса «экономической системы» вводить разнородность [Ореховский, 2017а], а в случае дискурса «экономики» — развивать экономическую теорию, основанную на метафоре «игры» (где игра понимается в комбинаторном смысле, как стабильное множество всех возможных комбинаций) [Леонард 2006] или отождествлять деятельность экономиста по производству моделей с рассказчиком историй [Leamer, 2008].

При этом общая причастность обоих дискурсов к структурному подходу как ключевой эпистемологической стратегии позволяет увидеть, что дискурс «экономики» по существу является частным случаем дискурса «экономической системы», в том смысле, что первый в основном базируется предметно, методологически или дискурсивно на структурализме, тогда как второй — на системном подходе, где внимание к структуре лишь компонент описания, и где основное значение имеет контекст.

Структуралистская революция и преобразование экономической теории: от науки к сказке

1.1. Структура и превращение математики в инструмент

История подъема структурализма хорошо известна. Поэтому здесь мы воздержимся от пересказа основных траекторий развития этого научного подхода и его ключевых персонажей. Вместо этого мы хотели бы выделить принципиальные онтологические допущения и основанные на них эпистемологические стратегии как связанные с построением предметной области, так и со средствами исследования.

Прежде всего, мы полагаем, что структурный подход и *обращение к концепту «структуры» является следствием изгнания метафизики из науки*, которое к началу XX в. приняло характер выхолащивания онтологии и последующей деонтологизации научного знания. Принципиальным следствием отказа от метафизического содержания является *превращение теории в инструмент* и, следовательно, появление инструменталистской интерпретации результатов познания.

К 1930-м годам развитие научного знания по пути выхолащивания онтологии затронуло уже не только физику, но и саму математику, а затем перекинулось на целый ряд гуманитарных наук. Здесь необходимо отметить два существенных аспекта. С начала XX в. *деонтологизация обусловлена не только борьбой с метафизикой в науке, но и с избавлением от психологизма* с целью построения объективного знания. В рамках применения математических методов в науках это означало *возможность формализации* со строго детерминированным исходом. Однако для того, чтобы формализация была возможна, *необходимо принципиальное преобразование предмета*. Рассмотрим эти два важных аспекта подробнее.

Философские дискуссии в математике XIX в. были связаны в основном с развитием геометрии, а именно с истолкованием не-

евклидовых геометрий. Значение неевклидовых геометрий состоит в том, что их построение и доказательство непротиворечивости реально противоречило всем сложившимся к тому времени представлениям о природе математического знания. Это привело к постановке вопроса о том, какая же из возможных математик находится в соответствии с миром, в котором мы живем. В рамках решения этой проблемы в начале XX в. было предложено несколько программ обоснования математики. Для нас интерес представляют две из них: *формализм и логицизм*. В рамках формализма на первый план выдвигаются *знаки (значение которых принципиально не важно) и отношения* между ними, понимаемые как *комбинаторная игра*, в которой играют фигурами, имеющими значение только в контексте самой игры.

В противовес интуиционизму¹ лидер формализма Д. Гильберт утверждал, что исходным базисом математических построений являются знаки. Математические знаки существуют как непосредственно созерцаемое, они легко обозримы и отличимы друг от друга. Вместе с тем, *они не сводимы к чему-либо иному*, следовательно, выступают в качестве изначальных единиц математического мышления. Поэтому основанием математики является сама математика, именно *ее внутренняя непротиворечивость*. Стремясь показать именно математически, а не интуитивно, что математика обладает необходимой полнотой, Гильберт решительно *отверг любые связи между математическими объектами и реальностью* с целью ограничиться внутренней логикой самих математических структур [Weil, 2009].

В формальной аксиоматической системе, как ее определил Гильберт, доказательство является просто последовательностью рядов символов. Символы в таких дедуктивных системах являются, в некотором специальном смысле, *абсолютно незначимыми*. Такая система правил образования и трансформационных правил *называется формальным «синтаксисом»*. «Семантика» является техническим способом «придать значение» неинтерпретированным сим-

---

1. Интуиционизм – программа обоснования математики, где ключевым принципом является утверждения о том, что «математика обладает *не только чисто формальным, но и содержательным значением*», а также акцентирующее субъективный момент – первично математическое мышление, а язык и логика суть несовершенные способы его выражения.

волам «синтаксиса». Модельно-теоретическая семантика состоит из модельной структуры и правил отображения символов дедуктивной системы на элементы этой модельной структуры. Строго говоря, *эти модели также являются незначимыми. Они просто являются структурами*, включающими сущности и множества. Структуры этих моделей могут иметь только теоретико-множественный характер. Как отмечает Дж. фон Нейман, характеризуя вклад Гильберта: «Математика стала внутренней процедурой, которая действует в соответствии с фиксированными правилами... и состоит в последовательном конструировании определенных комбинаций простейших символов, которые считаются «правильными» или «доказанными»» [Леонард, 2006, с. 277; см. также *Mirowski*, 1992]. Ему вторит сторонник интуитивизма Г. Вейль, который отмечает, что у Гильберта теоремы «превращаются в лишенные всякого смысла фигуры, составленные из комбинаций нескольких символов, и математика оказывается уже не знанием, а управляемой некоторыми условными правилами игрой в формулы, вполне подобной игре в шахматы. Эта игра может превратиться в знание, если мы докажем, что в шахматной партии при правильной расстановке фигур на доске не могут оказаться десять ферзей одного цвета» [Weil, 2009].

Теперь обратимся к логицизму как одной из программ обоснования математики. Здесь ключевым для нас является *идея о математике как языке* («логическом языке» науки). С одной стороны, это принципиально позволяет *расширить применение математики*, распространив его на другие науки (т.е. за пределы естествознания). Вместе с тем, это *сводит математику к чисто инструментальной функции* (рассматривает ее как математический аппарат), т.е. *позволяет относительно произвольный выбор математических средств* для конструирования моделей. Действительно, в ходе развития логицизма неуклонно укреплялась и оформлялась мысль, что математика не связана с частными родами предметов, которые могут быть даны нашей интуиции. Из науки о числах и величинах математика *все более превращалась в общий метод доказательства и открытия*. Логицисты утверждали, что, вводя без доказательств небольшой круг определений, математика *в дальнейшем развитии своих дедукций не нуждается больше ни в каких интуитивных усмотрениях*. Здесь также, как и в формализме, мы видим

ясную установку на выхолащивание онтологии, ибо по форме математика — «ансамбль выводов, сообразных с принципами логики», а по содержанию она «ансамбль определений, содержащих только термины логики» [Асмус, 1965]. Особенно явственно это прослеживается в работе «Основания математики» Б. Рассела и А. Уайтхеда, которые доказывали, что все разделы математики могут быть сведены до структурных утверждений.

Эту идею у логицистов подхватил и всецело развил Р. Карнап. Уже само название его ключевого сочинения является для нас весьма примечательным — «Логическая структура мира». Именно в рамках этого труда наиболее четко прослеживается ключевая тенденция, развиваемая в большинстве наук в начале XX в. — *принципиальное преобразование предметной области* путем перехода от описания свойств объектов к описанию их через отношения. Именно описание отношений составляет основу единства научного знания, при этом ключевыми отношениями являются структурные. При этом структура понимается как вся совокупность формальных свойств объекта [Карнап, 1993]. Иными словами, *структура — это форма объекта*. Развивая эту идею, Карнап выдвигает тезис о том, что научные утверждения имеют отношение только к структурным свойствам и говорят нам только о формах без указания, формами каких элементов и отношений они выступают [Карнап 1967]. При этом Карнап эксплицитно выражает *ключевое преимущество структурного подхода* на примере физики, которая «почти целиком десубъективизирована, поскольку почти все физические понятия трансформировались в чисто структурные» [Карнап 1967]. Под такой трансформацией он фактически понимает деонтологизацию физики в ходе отказа от наглядности в определениях объектов, что, по его мнению, позволяет преодолеть множественность индивидуальных восприятий реальности. Анализ логической структуры может стать *предпосылкой единого для всех наук взгляда на мир* (собственного научного метода).

Выше мы отмечали, отождествление математики с «языком» и превращение ее сугубо в метод доказательства и открытия сводит математику к *чисто инструментальной функции*, представляющий произвольный *выбор средств* для конструирования моделей. Сын К. Менгера, математик К. Менгер жестко проводит эту

линию в трактовке задач математики, понимая ее как выведение теорем, выбранных из заданного набора различными способами и при этом видя в этом *верное средство очищения науки от субъективных и ценностных суждений и от метафизики*. Его трактат по этике, следуя идеям Карнапа, предлагает рассматривать общество и входящие в него группы как систему логических отношений. Такое преобразование предмета социологии и этики позволяет свести проблемы этики к поиску общих принципов морали, а не к их оценке, которые при этом понимаются как *комбинаторный анализ последствий нормативных выборов* [Menger, 1974, p.95].

1.2. Структура и принципиальная трансформация объекта гуманитарных наук

Обратимся к гуманитарным наукам. Структуралистский подход здесь изначально развивался в рамках лингвистики и литературоведения и затем перекинулся на антропологию, историю и другие дисциплины. Для нас здесь имеют значение ключевые эпистемологические сдвиги, происходившие в рамках общего тренда в развитии европейской культуры начала XX в., который выражался в борьбе с метафизикой и субъективизмом. В данном случае это оформлялось в задачу борьбы самих гуманитарных наук за полноценный научный статус, т.е. соответствие образцам естествознания.

В рамках лингвистики тенденция на выхолащивание онтологии была уже задана ключевым различием Ф. де Соссюра: синхрония — диахрония. Элементы языка *отделяются от реальности*, которую они описывают, а сам язык начинает пониматься как статичная система взаимозависимых элементов, *значимость которых зависит не от их качеств, а от отношений* (подобия и различия). Язык в синхронном срезе — это множество всех диспозиций на шахматной доске. Вслед за ним Р. Якобсон проводит идею о большей значимости правил, по которым можно играть (работать со) словами, нежели способность языка к репрезентации. Далее он развивает ее в рамках новой дисциплины — фонологии, предметная область которой конструируется на основе представления языка как *закртой системы допустимых комбинаций* фонем. Исходя

из этого, язык можно изучать как структуру со своей собственной логикой, как комбинаторику отношений. В рамках развития нового литературоведения в России 1910–1920 гг. структурный подход был принято называть формальным (В. Шкловский) или морфологическим (В. Пропп), противопоставляя его психологическому (выражение духовного мира автора), при котором «предметом исследования служит не само художественное произведение, а то, «отражением» чего оно является, по мнению исследователя» [Эйхенбаум, 1922, с. 8]. Отсюда особое внимание к техническим приемам работы с материалом и впоследствии тезис французских структуралистов о «смерти автора», который заменяется безличными структурами, порождающими тексты [Барт, 1994].

Фонология Якобсона оказала сильное воздействие на К. Леви-Строса и привела его к созданию новой предметной области в рамках антропологии – анализу систем родства и структуры мифа [Леви-Стросс, 2010]. Во всех случаях структурный анализ подразумевает у него *выявление логических схем, выступающих как правила порождения* всех возможных комбинаций в рамках той или иной системы (родство, миф). Помогавший Леви-Стросу с формализацией структуры брачных отношений математик А. Вейль прямо заявил, что ему *не нужно даже знать, что они из себя представляют*, все, что ему нужно, это возможность свести их к конечному числу категорий, а также наличие четко определенных отношений между различными категориями. Однако это полностью отвечало и подходу самого Леви-Строса к предмету, и в еще большей степени его огромному желанию сближения социальных наук с парадигмальным естествознанием (через математическое моделирование) [Weil, 1968].

При этом важно подчеркнуть, что Леви-Строс вполне осознал, почему не удалась предыдущая попытка выстраивания социальных наук по лекалам математизированной физики: «В прошлом огромные трудности возникли из-за качественной природы наших исследований. Чтобы с таким материалом работать количественно, пришлось бы прибегнуть или к разного рода искусственным манипуляциям, или к чрезмерным упрощениям» [Levi-Strauss, 1954]. Кардинальные изменения произошли благодаря развитию статистики как ключевой для всех наук дисциплине, задачей которой является преобразование изучаемого объекта в число, в строгом соответствии

с заветом Галилея «исчисли и измерь, а то, что не можешь, — сделай таковым». Подобное преобразование любого объекта есть необходимое условие последующей математизации изучающей его науки. Из социо-гуманитарных наук наилучшим образом это удалось лишь экономике, ключевые понятия которой «стоимость», «цена» и т.п. имеют числовое выражение. Принципиальный сдвиг в использовании математики в науке уже не столько с целью *репрезентации объективного мира (его законов), сколько для исследования (моделирования) абстрактных (символических) структур*, агрегатов и совокупностей множеств методами комбинаторного математического анализа потенциально открывает широкие возможности для математизации других социальных и гуманитарных наук. Единственное условие — это преобразование их объекта исследования в структуру, стабильное множество, что *обязательно подразумевает избавление от привязки к реальному объекту* и структурный анализ как основную цель исследования. В рамках структуралистского преобразования математическая структура становится инструментом, позволяющим выявить структуру социальную, и *дающим к ней доступ*. Вместе с тем, впоследствии, если необходимо привязать полученную модель (формализацию) к реальности, к некоторым социальным сущностям, то *это делается уже после анализа, в интерпретации*.

1.3. Структура: деонтологизация и десубъективация научного знания

В данном разделе мы кратко рассмотрим философские основания деонтологизации и десубъективации (депсихологизации) научного знания, отмеченные нами как ключевые элементы познавательной стратегии структурного подхода.

Магистральное понимание структуры *отождествляет ее с формой*. В свою очередь, одна из ключевых традиций европейской философии со времен Аристотеля *отождествляет форму и сущность*, также понимая форму как необходимое условие познания сущего [Кошовец, 2006]. В свою очередь, в Новое время в рамках этой традиции Ф. Бэкон ввел *понимание формы как закона при-*

роды. Следует особо подчеркнуть, что закон природы — это онтологическое понятие, потому что он часть самой Природы и задача познания — его отыскание (раскрытие сущности явлений), что дает возможности для преобразования Природы. В рамках процесса деонтологизации науки структура не только становится повсеместным объектом науки, но и фактически *заменяет собой закон природы*. Структура полностью соответствует ключевым характеристикам закона Природы (социума), однако в отличие от него она не является частью самой Природы. Из структуры выхолощена онтология, поэтому она имеет целый ряд «преимуществ»: если закон, причинно-следственные связи обязательно обнаруживаются в эксперименте, то *структурные отношения доказываются только логическими и формальными средствами*. В рамках структурного подхода объект — *принципиально серийный*. Структура держится на серийных, а не на причинно-следственных связях. Напротив, структура не требует конечного вскрытия, так как структурная связь выявляет лишь корреляционные отношения, которые *невозможно фальсифицировать, так как они не отвечают за отдельный случай*, противоречащий некоторому утверждению, например, все «курильщики болеют раком». Более того, *закрепление тех или иных корреляций носит сугубо прагматический характер* и, по сути, определяется вненаучными причинами.

Деонтологизация формы началась в рамках развития волюнтаривной метафизики в позднем Средневековье и продолжилась в номинализме, ряд идей которого являются ключевыми для понимания генезиса новоевропейской науки [Кошовец, 2006]. Основной тезис об *онтологической первичности индивидуального существования* изменил познавательные интенции на прямо противоположные. Однако при этом знание лишается той необходимости и несомненной достоверности, которые оно имело в классической традиции. Здесь берет начало эпистемология Нового времени, главной чертой которой является вероятностный характер знания.

Иными словами, мы имеем дело с субъективно-психологическим обоснованием познания с введением субъекта в структуру познавательного опыта. Осознание неустранимости субъекта познания и проблема его активности в рамках познавательной деятельности становится одной из магистральных тем в размышлении-

ях творцов новой науки в XVII в. [Косарева, 1989]. В «классическом виде» эта интуиция разработана в «критической установке» И. Канта, который вслед за Декартом в качестве фундаментальной посылки принимает положение о сознании (*res cogitans*) как абсолютной системе координат и наделяет субъекта полной мерой ответственности за все произведенное знание. Иначе говоря, *истинность знания удостоверяется через его отношение к мышлению (его общим принципам и категориям, понимаемым как форма мысли)* [Кошовец, Фролов, 2013].

Для нас здесь важно, что ключевые философские идеи структурализма развивались в процессе переориентации гуманитарного познания на абстрактно-теоретический уровень в рамках сближения с естествознанием. При этом сам этот процесс проходил под воздействием позитивизма и неопозитивизма (отсюда радикальная борьба с субъективизмом), тогда как его осмысление осуществлялось в рамках картезианско-кантианской традиции (отсюда идея, что структуры – это формы мышления и удостоверение объективности знания через его отношение к общим принципам мышления). Специфическим выражением такой траектории развития стала *выраженная антисубъектная тенденция – радикальная попытка вывести субъекта за пределы познавательного опыта* как на уровне организации предметной области, так и посредством определенных познавательных стратегий. Проблема активности субъекта в процессе познания решается *заменой субъекта структурой*, при этом структура приобретает трансцендентальные характеристики, *становясь универсальными формами (законами) Мышления/Языка*.

1.4. Дискурс «экономики» и волшебная сказка: структуралистский анализ мейнстрима

В основе новоевропейской науки лежали два принципа: эмпиризм, понимаемый как опосредованное техникой экспериментальное наблюдение, и математизация, понимаемая как инструмент построения рациональных моделей, позволяющих сводить реальность к компактным правилам и производить вычисления. Соединение двух этих принципов, на заре Нового времени плохо совмещав-

шихся и нередко требовавших уловок для стыковки, успешно осуществили техники измерения и статистические методы, совместно превратившие мир в вычислимый объект [Porter, 1996].

Экономика как современная наука родилась на волне успеха опытно-экспериментального естествознания, и, как и весь обществоведческий комплекс, в полной мере впитала «эпистемические добродетели» естественных наук — веру в объективность, факты, стремление избавиться от субъективизма, доверие к математике как чистой форме достоверности, освобожденной от примесей индивидуальности [Daston, Galison, 2010]. Все эти «добродетели» были наиболее явным образом воплощены в математизированной физике, ставшей парадигмальной наукой, поэтому общественные науки стремились адаптировать собственный предмет к его исследовательским стандартам [Валлерстайн, 2004].

Экономисты XIX в. в той или иной степени осознавали себя «социальными физиками» и придерживались наивного эпистемологического реализма в вопросе о доступе к изучаемой ими действительности. В духе ключевых онтологических установок классической физики — элементаризма и механицизма — К. Менгер считал, что экономическая наука не зависит от исторических обстоятельств и национальной специфики, задача экономиста состоит в том, чтобы свести явления народного хозяйства к простейшим элементам [Menger, 2005]. Теоретическое ядро мейнстрима формировалось с ориентацией на общие принципы построения знания в математизированном естествознании — Л. Вальрас относил «чистую политэкономия» к физико-математическим наукам [Вальрас, 2000].

В соответствии с ключевым структуралистским трендом в науке начала — середины XX века произошла и переконфигурация предметной области экономической теории. Предметом становится оптимальное решение как набор всех возможных комбинаций. Оптимальные стратегии в играх при этом сами по себе малозначимы (важен процесс выбора или принятия решений). «Игры» это, по сути, особые математические объекты, потому что *способны продолжаться бесконечно долго* (такие игры рассматриваются в теории множеств). Все это открывает возможности для применения теории игр в любых других науках — социологии, политологии и даже биологии и кибернетике. Вслед за Гильбертом, редуцировавшим ма-

тематику к комбинаторной игре, фон Нейман полагал, что «любая социальная ситуация, при соответствующих заданных условиях, может быть истолкована как стратегическая игра... т.е. редуцирована до шахмат» [Леонард, 2006, с. 277]. Фактически, теория игр – математическая теория, созданная специально для применения в общественных науках.

Преимущество структурного подхода для экономической теории, и ранее стремившейся к универсализму и носящей преимущественно нормативный характер, в том, что структура хорошо отождествляется с понятиями «общих принципов» и «нормы». В то же время понятия «нормы» в смысле «принятых норм поведения», «установленных порядков общества» позволяет включить в теорию институциональные аспекты, лишь проведя необходимое для этого преобразование и введение их в теорию как структуры (множества исходов). Далее, в рамках аппарата «теории игр» можно ввести любые другие объекты, заданные через комбинаторику, неопределенность или дискретность. Наконец, понятие «структура» подразумевает равновесие, только задает его иначе, однако полностью сохраняет его в сердце теории – она не предсказывает, какое решение будет наблюдаться в каждой конкретной ситуации, а лишь обращает внимание на равновесие, структурные свойства возможных исходов [Нейман, Моргенштерн, 1970, с. 66–68].

Структурализм и формализм в математике начала XX века привели к еще большему усилению в экономической теории концептуальных элементов, ориентированных на сходство с математизированным естествознанием. Вальрасианство утвердилось в качестве лидера в рамках мейнстрима по причине формализованности теории общего экономического равновесия и дистанцирования от субъективизма, в отличие от других школ маржинализма. В течение первой половины XX в. ситуация поменялась, и в рамках тренда на деонтологизацию предметной области физики «социальная физика» все больше стала тяготеть к превращению в «социальную математику». Логическое завершение эта тенденция нашла в рамках формалистической революции 1950-х гг. [Ward, 1972]), когда К. Эрроу и Ж. Дебре произвели формалистский пересмотр теории Вальраса. «Экономисты стали отдавать форме экономического аргумента не просто предпочтение, но абсолютное предпочтение перед его содер-

жанием». Это означало «использование математического моделирования, потому что конечной целью была имитация пресловутой программы Гильберта в математической науке, т.е. полная аксиоматизация экономических теорий» [Blaug, 2003, p.145].

К рубежу XX—XXI вв. экономическая наука пришла в состояние, когда теория понимается работающими в этой сфере специалистами как *набор исследовательских инструментов* и методов по производству знания о социальном мире. В итоге, экономическая теория, по сути, *специально не связана* (как это парадоксально ни звучит) *с изучением экономической реальности* [Fourcade, 2009; Rodrik, 2015]. Инструментальность подразумевает безразличие к содержанию, потому что оно *само может породить реальность* (логически возможные миры), т.е. характерной чертой экономической теории становится своеобразный «*логический реализм*», метафизичность. «Реализм» мы тут имеем в двух смыслах, — в репрезентативном, так как модель фактически описывает логическую (метафизическую) структуру некоего возможного (вображаемого) мира, а также в средневековом — подразумевающим онтологизацию универсалий (общих понятий) и их трансцендентный (вне времени и места) характер существования (по сути вечный — «были везде и всегда»). Таковы, к примеру, основные персонажи «воображаемых миров» экономической теории: рынок, капитал, конкуренция и т.п. Персонажи этих миров одни и те же, и, по сути, *они являются инвариантными функциями, отвечающими за порождение строго определенных сюжетов*.

Вырожденная в абстрактные математические модели теория не могла не задуматься о статусе своих результатов и реальных основаниях: *стремится ли она оставаться «наукой о действительности» или становится «басней», «сказкой»*. Среди экономистов-теоретиков широко распространена трактовка экономических моделей в качестве эвристически полезных, но искусственных конструкций. В качестве примеров можно указать на «правдоподобные миры» Р. Сагдена [Сагден, 2012], «аналоговые экономики» Р. Лукаса [Lucas, 1981; Lucas 1988] и «басни» А. Рубинштейна [Рубинштейн, 2008]. Особенно остро проблема реализма теории встала в связи с финансовым кризисом 2007—2009 г., в результате чего появилась крайне интересная тенденция: *отказ экономики*

от претензий на производство научного знания и приравнивание деятельности экономиста к ремеслу, так как задача экономическое моделирования — рассказывание «вдохновляющих историй» [Leamer, 2008; Leamer, 2012; Ross, 2016].

Такая позиция полностью соответствует ранее упомянутым позициям Лукаса, называющего экономистов сказочниками или выдумщиками (storytellers), которые «большую часть времени оперируют в воображаемых мирах» [Lucas, 1988, p. 5–6], и Рубинштейна, считающего экономистов баснописцами, чье мышление организовано с помощью моделей, у которых он не видит особого отличия от «басен» или «сказок» [Рубинштейн, 2008, с. 81]. Философ науки А. Розенберг проводит демаркационную линию между наукой и популярной небеллетристической литературой как раз на основе того, что первая не занимается конструированием историй (рассказов), а моделирует функциональные отношения; ставя в качестве примера физику. Между тем, рассказывание историй обязательно подразумевает наличие нарративной структуры [Rosenberg, 2011].

Нарративная процедура *производит реальность* (события возникают в контексте самого рассказа), при этом утверждается как относительность произведенной реальности (т.е. не имеется никаких претензий на соответствие чему-то реальному в Мире), так и ее «независимость» от объективного Мира (так как продуцируются возможные миры). Как раз «создание механического искусственного мира, населенного взаимодействующими между собой роботами, которых обычно изучает экономика» [Lucas, 1988, p. 5] — идеально подходящая для сказочника задача. При этом повествование всегда идет ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, т.е., в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой. Именно об этом, по сути, пишет и Р. Лукас: «Мы не считаем, что царство фантазии и идей является альтернативой или убежищем от практической реальности. Напротив, это единственный способ, который мы нашли, чтобы всерьез думать о реальности. В некотором смысле, в этом методе нет ничего более, чем поддержание убеждения... что воображение и идеи имеют значение... им нет практической альтернативы» [Lucas, 1988, p. 6]. Действительно, нарратив является не описанием некой

реальности, а *инструкцией (набором правил) по определению и пониманию последней* [Брокмейер, Харре, 2000].

Не только прямые сравнения экономистами своих моделей со сказками, но прежде всего морфологическая структурная гомогенность, устойчивость персонажей (имеющих сугубо типический, общий, а не индивидуальный характер) и инвариантность их функций заставляют нас увидеть удивительное сходство между ключевым нарративом мейнстрима и волшебной сказкой. Анализируя последнюю, В. Пропп убедительно продемонстрировал однообразие волшебной сказки на сюжетном уровне в чисто синтагматическом плане, а также инвариантность набора функций (поступков основных персонажей), линейную последовательность этих функций и устойчивый набор ролей, которые определенным образом распределены между конкретными персонажами и соотнесенными с ними функциями.

Как отмечает Пропп, исполняемые функции в их последовательности составляют *единый* композиционный стержень для всех волшебных сказок: «похищает ли змей царевну или черт крестьянскую или поповскую дочку, это с точки зрения композиции безразлично» [Пропп, 2001]. Аналогично этому везде рынок с его универсальной структурой (будь-то продажа недвижимости или деревенская ярмарка), везде оптимизирующее поведение с его универсальной структурой (будь-то человек или коралловые рыбки), везде принятие решений, также обладающего универсальной структурой (будь-то выбор брачного партнера или выборы президента). С точки зрения имеющихся у мейнстрима универсальных инструментов, способных создать по заданным структурным параметрам (отождествляемым с «экономическими законами») любой «мир», конкретное содержание этого мира безразлично, это просто разные сюжеты, которые сами по себе вторичны. Комментируя последствия финансового кризиса 2007–2009 гг., Р. Познер фактически отмечает реальные результаты такого безразличия: большая доля экономистов, занятых абстрактным формальным моделированием, «реально не представляет себе, как функционирует современная банковская система, как работают новые финансовые механизмы — обеспеченные долговые обязательства, СВОПы «кредит-дефолт» и т.п.» [Posner, 2010].

В итоге Пропп создает метасхему, выделяя в сказке 31 возможную функцию, при этом отмечая, что многие функции расположены попарно (запрет – нарушение, борьба – победа, преследование – спасение и т. д.), а также логически объединяются по кругам действий персонажей волшебной сказки, т.е. в сказке имеется всего семь действующих лиц (герой, антагонист (вредитель), отправитель, даритель, помощник, царевна (или ее отец), ложный герой) [Пропп, 2001]. В дискурсивной практике «экономики» также прослеживаются подобные структурные элементы. Так, действующими лицами «*микроэкономической сказки*» являются конкуренция (положительный герой), монополия (вредитель), государственное регулирование (ложный герой), различные типы информации – полная, несовершенная, асимметричная (возможно, помощник), предпочтения, производственные и транзакционные издержки. Эти действующие лица сталкиваются между собой, реализуя различные, как правило, парные функции: производитель – потребитель, фирма – наемный работник, спрос – предложение, доходы – издержки, оппортунизм – гарантии (репутация), и т.д. Действующих лиц *макроэкономики* в свое время выделял Я. Корнай, определив их в рамках своего анализа как «основные болезни»: *безработица*, *инфляция*, нарушения роста (инвариант – *рост*), (высокий государственный) *долг*, бюрократизация (т.е. *неэффективность государства*), *дефицит*, (высокое неравенство в) *распределении доходов* [Корнай, 1987]. Борьба этих «героев» между собой, как и в микроэкономике, порождает множество парных функций: рациональные ожидания – иррациональный оптимизм инвесторов, снижение процентных ставок – ловушка ликвидности, рост государственных расходов – дефицит бюджета, рост процентных ставок, эффект вытеснения, снижение государственных расходов – рост социальной дифференциации и т.д.

Пропп пишет: «Отметая все местные, вторичные образования, оставив только основные формы, мы получим ту сказку, по отношению к которой все волшебные сказки явятся вариантами. Произведенные нами в этом отношении разыскания привели нас к тем сказкам, где змей похищает царевну, где Иван встречает ягу, получает коня, улетает, при помощи коня побеждает змея, возвращается, подвергается погоне, встречает братьев и т. д., как к основ-

ной форме волшебных сказок вообще» [Пронн, 2001]. Аналогичным образом инвариантом истории в рамках дискурса «экономики» является история о рациональном агенте, принимающем оптимальные решения, стремящемся увеличить некоторые показатели (максимизирующем прибыль), обладающем полной (несовершенной) информацией и т.п.

Инвариантов основного сюжета «сказки о рынке», где рациональное честное поведение вознаграждается ростом дохода и богатства, а обманщики и воры живут в бедности и страдают от невежества и болезней, очень много. Концепт рынка используется как «реальный» вне контекста, что приводит к созданию реальностей (воображаемых миров) – «сказок» о рынке, полностью отрывающихся от действительности. Неважно, о чем идет речь – о рынках хлеба и стали или коррупционных и религиозных услуг. Везде, где наличествует обмен, и тем более там, где присутствуют деньги, есть рынок, а значит, должен применяться неоклассический (и не-институциональный) инструментарий. Рынок образовательных и медицинских услуг почти ничем не отличается от рынка сексуальных услуг, разве что на последнем исследователям, использующим указанный инструментарий, становится труднее выделять «коррупционную составляющую» [Ореховский, 2015].

Инвариант «экономического сказания» про рынок и государство также широко представлен в либеральном дискурсе, являющемся комплементарным к теории мейнстрима (оба – часть дискурсивной практики «экономики») и выполняющем социо-культурные, идеологические и мировоззренческие (медийные) функции, вытесненные из «чистой теории», потому что она якобы объективна и лишена ценностных суждений. По-видимому, один из самых ярких его примеров мы найдем в классической работе М. Фридмана «Капитализм и свобода» [Фридман, 2016]. Почти хрестоматийное описание этой сказки мейнстрима и либерального дискурса можно найти у С. Кордонского: «Государство – равноправный участник (актор) рынка, производитель специфических (бюджетных) услуг. Из-за бюрократизации этот актер неэффективен и по возможности должен передавать производство и реализацию этих услуг обществу, в частный сектор. Государство ограничивает свободу, плодит агрессию, бедность, социальные пороки, а гражданское общество высту-

пает за свободу и против агрессии, оно заботится о бедных и обиженных судьбой. Гражданское общество противостоит государству: как добро противостоит злу, а свет — мраку» [Кордонский, 2007, с. 49].

У сказок, как и басен, есть «мораль» и, как полагает Рубинштейн, «в случае с хорошей басней, хорошая модель может оказывать огромное воздействие на реальный мир, не давая рекомендаций и не предсказывая будущее, а скорее влияя на культуру [Рубинштейн, 2008, с. 81]. Влияние на культуру, безусловно, имеется. В этом смысле «хорошие модели» служат не столько инструментом передачи знания, сколько способствуют *интеллектуальному доминированию* и неявно *предполагают определенную социальную иерархию*. Дискурсивные практики, как правило, имеют устойчиво воспроизводящийся перформативный элемент, смысл которого в закреплении в социокультурном пространстве определенного «рассказа» и содержащихся в нем представлений. Так Д. Родрик пишет: «Мораль, или, как ее называют экономисты, выводы для государственной политики, обычно довольно очевидна: свободные рынки эффективны, оппортунистическое поведение в стратегическом взаимодействии может ухудшать положение всех его участников, стимулы имеют значение и так далее» [Родрик, 2016, с. 33].

Многие экономисты согласны считать свои теории сказками (пусть и полезными), а некоторые даже готовы отказаться от претензий считаться наукой (так, риторическая стратегия Э. Лимера, призванная защитить экономику от обвинений в сциентизме, в конечном счете, приводит его к утверждению, что «лучшая экономическая теория не имеет целью быть наукой» [Leamer, 2012]). Почему такое стало возможным в науке, которая почти с самого начала чрезвычайно стремилась стать самой научной из корпуса социальных и гуманитарных дисциплин и рьяно следовала стандартам физики? Мы полагаем, что ответ — прост. Формальные техники для экономистов сверхценны [Родрик, 2016], они позволяют экономистам видеть себя на вершине дисциплинарной иерархии [Фуркад, Ольон, 2015] и большинству твердо верить, что «экономическая теория — самая научная дисциплина среди всех социальных наук» [Colander, 2005].

«Экономика» и «экономическая система» как дискурсивные практики концептуализации «экономического»

2.1. «Области дискурсивных практик»: методологические замечания

Когда мы говорим об «экономике» и «экономической системе» мы не имеем в виду различные подходы к определению предмета экономической науки (теории) ни в рамках дисциплинарного знания, ни самими экономистами на протяжении развития экономической теории как дисциплины. Наш интерес составляет предметная область экономической теории с точки зрения ее функционирования в системе знания, в рамках образовательных, научных, экспертных и медийных практик, но прежде всего, как определенные способы говорить о.../ концептуализировать «экономическое».

В данной работе нас интересует оперирование понятием «экономическое» в широком контексте: в ходе нашего повседневного опыта, взаимодействия с реальностью (экономической и социальной), сложившихся социальных практик, институционального воспроизводства (в научной, экспертной, образовательной, производственной, управленческой или иной среде). Совокупность этих практик, опыта и взаимодействий, приводящих к формированию понимания (а затем и знаний) о каком-то компоненте действительности, при этом обладающих структурной устойчивостью и воспроизводящих определенные инварианты, мы будем называть *областями дискурсивных практик*. В рамках дискурсивных практик ключевые понятия формируются не столько в ходе логических процедур определения, сколько в ходе различной практической деятельности, в ходе взаимодействия с реальностью.

Таким образом, здесь мы будем рассматривать «экономику» и «экономическую систему» как основные сложившиеся области дискурсивных практик, в рамках которых понимается, концептуализируется, конструируется и объясняется «экономическое».

Под дискурсивными практиками мы в целом понимаем то же, что и М. Фуко и соответствующая традиция в общественных науках. При этом для нас любой дискурс – это *результат деятельности коллективного субъекта*. Кроме того, для нас принципиально важен не только языковой, но и, прежде всего, *деятельностный* аспект. Термин – «области» мы вводим, чтобы подчеркнуть *локальность* любой дискурсивной практики (какими бы ни были ее претензии на универсальность)².

Мы исходим из того, что формирование и воспроизводство дискурсивных практик подразумевает, *как минимум, следующие четыре условия (компонента)*:

- социо-культурные, институциональные и властные практики, в которые включен субъект, и в рамках которых возникают, функционируют и устойчиво воспроизводятся те или иные знания³;
- имеющиеся у субъекта дисциплинарные, научные и ненаучные (включая обыденные), прикладные и популярные (тиражируемые масс-медиа) знания в той или иной сфере⁴, предполагающие определенное языковое выражение;
- взаимодействие (включая наблюдение) с определенным фрагментом реальности (в нашем случае «экономическое») в ходе повседневных практик, в том числе связанных с профессиональной деятельностью;
- имеющиеся инструменты, техники, понятийный и категориальный аппарат для концептуализации того или иного интересующего нас фрагмента реальности и встраивания его в соответствующий дискурс.

Таким образом, понятие «области дискурсивных практик» позволяет учитывать реальное функционирование экономи-

-
2. По тексту мы иногда для удобства изложения и восприятия будем использовать понятия «дискурс» или «дискурсивные практики», при этом имея в виду все выше сказанное о концепте «области дискурсивных практик».
  3. Социо-культурные практики формируют мировоззренческий и идеологический компонент знания, институциональные отвечают за его статус, легитимацию и каналы распространения в обществе, властные практики отражают интересы субъектов и предоставляют средства для доминирования.
  4. В современном мире научные знания выполняют разные функции и поэтому воспроизводятся в разных формах. Это зависит от позиции субъекта, оперирующего знаниями, и от сферы, в которой знание производится и потребляется [Кошовец, 2008].

ческого знания в социуме, который *подразумевает субъекта, его цели и интересы (идеологический и субъективный аспект)*. При этом субъекты как носители культуры *всегда включены в определенный контекст*. Между тем, модель «экономического человека», как и сложившиеся в экономической науке практики объективности («чтобы быть объективным, надо практиковать объективность») предполагают считать культуру исключительно экзогенным фактором [Ореховский, 2017б]. Однако культура — часть познающего субъекта, социальная включенность науки (ученых) не может рассматриваться только в качестве фактора, ограничивающего познание, что приводит к попыткам элиминировать «возмущающее действие» субъекта при изучении объекта, практикуя определенные «эпистемические добродетели». Гораздо важнее осознавать то, что *культура есть необходимое условие любой научной деятельности*, более того, она *предопределяет познавательные ходы*, совершаемые познающим субъектом, за пределы которых он в принципе не может выйти [Романов, 2003, с. 302–321]. Влияние культуры исследователя на изучаемый им объект обнаруживается уже на уровне самой организации научного опыта. При этом сами существующие формы организации научного опыта — тоже продукт конкретной культуры.

Сказанное логично подводит нас к проблемам объективности и идеологии (выражение частных интересов в форме всеобщности, подразумевающее оценку желательности или нежелательности того или иного социального бытия). Особенности формирования экономики как дисциплины в начале — середине XX века, сложившийся в рамках экономического сообщества негласный консенсус, высокий институциональный статус экономики как дисциплины, техники преобразования изучаемого объекта/реальности (статистика) и способы практиковать «объективность» (математическое моделирование, графическое представление) *позволяют игнорировать идеологическую функцию* экономического знания, позиционируя его как неангажированное и объективное (принципиально лишенное субъективности). Понятие объективности при этом предполагает выведение субъекта познания во всей его человеческой полноте за пределы социальной реальности — он независим от политики, материальных интересов и даже «коллег по цеху».

Между тем, экономическое знание очевидно не сводится к математическим моделям теории, но даже если и так, то, чтобы обладать экономическим смыслом, они должны иметь содержательные предпосылки, привязывающие модель именно к экономической реальности (не просто кривая, а кривая спроса) и интерпретацию, позволяющую придать результатам экономический смысл и практическую значимость. Это подразумевает языковые средства, которые не являются нейтральными (ценностно нагружены) и существуют в рамках культуры (в том числе эпистемической). При этом языковые средства всегда являются частью контекста, устойчиво воспроизводятся, детерминированы социальными и институциональными условиями, в рамках которых функционируют, а поэтому служат не только инструментом передачи знания, но и *интеллектуального доминирования*. Таким образом, научная терминология и определенные дискурсивные практики всегда неявно *предполагают социальную иерархию*.

Дискурсивные практики, как правило, имеют устойчиво воспроизводящийся перформативный (иначе говоря, ритуальный) элемент, смысл которого в закреплении в социокультурном пространстве определенного «рассказа» и содержащихся в нем представлений о реальности в рамках отношений символической власти [Ореховский, 2015]. Последняя, в соответствии с концепцией «структуры полей», представляет собой отношения иерархии (господства — подчинения) в сфере производства интеллектуальных образцов [Бурдье, 1994]. Такие дискурсивные практики, как использование определенного корпуса цитат, ссылка на определенных авторов и «общепризнанные авторитеты», следование определенной логике и форме изложения, в свою очередь, обеспечивают реализацию символической власти.

2.2. Универсализм и логический реализм дискурса «экономики»

Структурный подход и формалистская революция привели к усилению в экономической теории элементов построения, ориентированных на сходство с естествознанием. Здесь мы хоте-

ли бы затронуть два наиболее важных из них, которые являются ключевыми чертами дискурса «экономики»: логический реализм и универсализм. Хорошо сконструированные экономические категории подразумевают их максимально широкую применимость, в идеале — универсальность. Предполагается (считается математически доказанным), что экономические законы (структуры) «объективны», несмотря на «искажающее влияние» различных экзогенных факторов. Экономические законы описывают взаимосвязи между наблюдаемыми феноменами, и уже в силу этого обстоятельства сами феномены должны характеризоваться одними и теми же общими понятиями (универсалиями): рабочая сила, труд, зарплата, капитал, прибыль, износ, амортизация, деньги, процент и так далее.

Конечно, экономисты делают множество оговорок в отношении как характера, так и силы влияния экономических законов. Для корректной работы модели важен контекст. С другой стороны, даже оговорки и уточнения часто описываются с помощью универсалий: это *qwerty-effects*, эффекты колеи (*path dependence*) и «храповика», позиционное потребление, оппортунизм, доверие, асимметрия информации. Поэтому хороший исследователь должен отличать «сущность» экономических процессов от их «видимости», проводя своеобразную очистку исследуемых феноменов от влияния «экзогенных», случайных факторов. Например, есть настоящая, представляющая денежное выражение стоимости, *равновесная* цена, а есть наблюдаемые ценовые блуждания, связанные с постоянными изменениями конъюнктуры.

Таким образом, дискурс «экономики» основан на «логическом реализме». Здесь никого не смущает, что результаты моделирования всегда не совпадают с наблюдаемыми результатами — это *нормально*. Напротив, если использование модели дает близкое к 100% совпадение с эмпирическими данными, возникают подозрения в специальной «подгонке», мошенничестве.

Ниже мы рассмотрим примеры: а) идеологической «сущности», позволяющей придать экономическую легитимность сферам образования и науки; б) полностью эмпирического феномена, в отношении сущности которого мнения экономистов принципиально расходятся (пример дилеммы); в) искусственного конструкта,

который, тем не менее, играет принципиально важную роль в организации социальной жизни.

Человеческий капитал

Человеческий капитал — удачный логический концепт (производная от универсалии «капитал»), позволивший решить массу проблем, возникающих как на макро-, так и на микроуровне, сохраняя универсальность и полноту мейнстрима. На уровне макроэкономики категория человеческого капитала позволяет проинтерпретировать «остаток Солоу» как результат роста инвестиций в образование и здравоохранение. Эти инвестиции осуществляются в основном государством, что дополняет частные расходы. Кроме того, чтобы достичь равновесия в длительном периоде, в модели Солоу используется неоклассическое допущение в отношении убывающей предельной производительности капитала. Это допущение, однако, не распространяется на человеческий капитал.

На микроуровне этот концепт хорошо объясняет необходимость получения высшего образования и различия в доходах между работниками, имеющими разную квалификацию. Непосредственная взаимосвязь между трудовым усилием и результатом имеет место только в условиях относительно простого «физического» труда, характерного для ремесленного производства и начала индустриализации. В современных условиях установить подобную связь между затратами труда инженеров, врачей, ученых и т.д. и результатами их труда практически невозможно. Метафора «человеческого капитала» позволяет непротиворечиво объяснять различия в доходах работников интеллектуального труда. Причем — что важно — человеческий капитал не исключает и не заменяет и «обычного труда», который сохраняется на низкостатусных рабочих местах. Таким образом, предложенное решение является универсальным, полным и по сути — неопровержимым в рамках общепринятых дискурсивных практик.

Проблемы могут возникнуть при попытке включения «человеческого капитала» в хозяйственную практику. Коротко остановимся на некоторых из них.

1) В отношении владельцев человеческого капитала нельзя применять стандартные контракты о найме. Капиталист, который

входит со своим капиталом в фирму, может заключить инвестиционный договор, может ссудить свой капитал на какой-то срок — тогда это кредитный договор.

2) Часть доходов владельца человеческого капитала не должна облагаться подоходным налогом, поскольку эти доходы представляют собой не что иное, как амортизацию. Отсюда возникает методологическая трудность — как распределить доходы, которые сейчас выглядят как зарплата плюс премиальные, на «амортизацию» и «прибыль».

3) Сложность состоит и в распространенной среди творческих людей практике совместительства, работы в нескольких местах. Как в таком случае будут выглядеть права собственности на подобный человеческий капитал? Как их идентифицировать?

По большому счету, мейнстрим не интересуют подобные «технические вопросы». В данном случае ситуация «схлопывается» от деятельности к чисто языковой практике. Это прекрасно работает в рамках «сказки», но только потому, что никто и не помышляет о том, чтоб «сказку сделать былью».

Всеобщий эквивалент и фиатные деньги

Принципиально иная ситуация в отношении использования концепта денег. Это — реальный феномен, который непосредственно используется в человеческой деятельности.

Обсуждение данного концепта применительно к дискурсивной практике «экономики» представляет интерес потому, что в ней присутствует *дилемма*. Многие экономисты используют концепт так называемых «товарных денег», который лежит и в основе количественной теории. В случае использования этого концепта деньги рассматриваются как средство обращения, которое позволяет субъектам обмена экономить на трансакционных издержках. Количество денег в этом случае должно *функционально соответствовать* количеству товаров; излишек денег будет вести к инфляции, их дефицит — к дефляции. Отсюда возникает представление о том, что деньги всегда должны быть чем-то обеспечены — золотом, товарными ценностями и т.п.

Альтернативный концепт связан с так называемыми фиатными, или «декретными», деньгами. Такие деньги всегда связаны с

государством, которое выпускает их в качестве законных платежных средств, а заодно ограничивает (регулирует) хождение на территории своей юрисдикции валют других государств. Как показывает, в частности, И.Э. Фролов, в этом случае деньги возникают как результат решения правительства о способе сбора налогов (дани) [Фролов, 2017]. Развитие данного концепта ведет и к обсуждению проблем сеньоража, и дискуссиям об устойчивости банковской системы. Недавно вышедшее исследование Каломириса и Хабера убедительно демонстрирует тесную причинно-следственную связь устройства банковской системы с политической формой государства [Каломирис, Хабер, 2018]. Однако признание фиатной природы денег ведет либо к отрицанию истинности количественной теории, либо к введению важных допущений, в рамках которых ее выводы сохраняют свое правдоподобие.

Наличие дилеммы противоречит универсализму и реализму рассматриваемой дискурсивной практики. Существует несколько исследовательских стратегий, позволяющих обойти указанное противоречие. Во-первых, это *замалчивание* версии альтернативной программы (в большинстве учебников по макроэкономике почти ничего не говорится о фиатных деньгах; рассматриваются только позиции «монетаристов» и «кейнсианцев»). Во-вторых, вводится понятие «идеальных денег» — только на эту сущность теперь полностью распространяются законы денежного обращения (эмпирическим аналогом такого идеала является, по-видимому, только американский доллар). Векселя, «электронные деньги», жетоны, золотые слитки и т.д. при данном подходе рассматриваются либо как платежное средство для крайне ограниченных целей, либо как инвестиционный актив (средство сбережения-накопления). И в том, и в другом случае такие средства — «не деньги», так как они имеют: а) неполную ликвидность, б) не представляют собой «всеобщий эквивалент», поскольку не имеют «постоянной стоимости». В-третьих, существование фиатных денег фиксируется как онтологическое зло, связанное с наличием государства, и на их выпуск накладываются жесткие ограничения (денежное правило Фридмена). В остальном же цены соответствуют гипотезе эффективных рынков, ценные бумаги объективно отражают отношение риск — доходность. Универсализм и логический реализм сохраняются. Государство же вообще

может быть зоной всевозможных извращений и аномалий, ничего удивительного, что оно портит рынки.

Макроэкономическое равновесие и система национальных счетов

Система национальных счетов – третий вид концептов, используемых в дискурсивной практике «экономики». Сама по себе идея о том, что на какую-то конкретную календарную дату в экономике страны должно наблюдаться равенство макроэкономического спроса и предложения, объем агрегированных доходов должен равняться агрегированным расходам, кажется весьма странной и чисто умозрительной. Однако этот принцип был *перенесен в практическую деятельность*, организована система статистических измерений. Можно критиковать отдельные элементы данной системы – оценивать *неравновесие*, делать показатель ВВП *справочным*, а не основным, вводить экологические счета и т.д. [Стиглицу, Сен, Фитусси, 2016]. Дополнения и модификации не отменяют основного – сама налаженная система статистической техники реализует и постоянно воспроизводит универсалистские практики. Система национальных счетов позволяет экономистам судить об эффективности действующих стимулов и санкций, делая дискурс и связанный с ним нормативный нарратив *реальностью*. Именно такие концепты позволяют сохранять эпистемологическую целостность дискурса «экономики».

2.3. Дискурс «экономической системы»: структурный и системный подход

В рамках структуралистского подхода структура понимается как совокупность правил, по которым из одного объекта можно получить некоторое множество других объектов путем перестановки его элементов и иных симметричных преобразований. Однако имеется и другое базовое понимание «структуры» как устойчивого скелета какого-либо объекта. Еще со Средних веков понятие «структура» использовалось в философском обиходе для определения понятия «форма» в смысле – «организация», «стро-

ение» содержания. В таком смысле структура — это *совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность* и тождество самому себе.

В таком понимании концепт «структура» позднее *соотносится с понятиями «система» и «организация»*. При этом если понятие «система» характеризует все множество проявлений некоего сложного объекта в их целостности, то «структура» — лишь те из них, что остаются устойчивыми, неизменными при трансформации, изменении системы. При этом обе трактовки понятия структуры имеют концептуальное единство, что наглядно проявляется в общности эпистемологических проблем: таких как абсолютизация и, как следствие, онтологизация структур, а также вопрос о механизмах возникновения и изменения структур, которые задаются как трансцендентальные объекты.

Понятие «экономическая система» в предметном плане, несомненно богаче, однако оно маргинализировано в рамках доминирующей экономической теории. В целом оно широко представлено в теориях, в той или иной степени, методологически опирающихся на системный анализ. Ключевые объекты мейнстрима предполагает не только логическую, но и онтологическую однородность, и поэтому не способны улавливать специфику, а также многоуровневость (многослойность) объекта.

С методологической точки зрения категория «система» призвана решить проблему описания сложного объекта, так как исторически дисциплины формировались вокруг изучения простых объектов или их ключевых свойств. Соответственно, в рамках системного подхода лежит представление об объекте как о сложной системе. Еще одной не менее важной характеристикой категории «система» является ее способность улавливать границы, т.е. локалитеты, в отличие от аппарата мейнстрима, который не ловит или не определяет границы объекта (везде рынки). Вместе с тем, следует отметить, что системный подход не существует в виде строгой методологической концепции, скорее это совокупность познавательных принципов, подразумевающих соответствующую ориентацию конкретных теоретических и прикладных исследований. Эти принципы с содержательной точки зрения позволяют четко зафиксировать неполноту, недостаточность сложившегося

предмета исследования конкретной дисциплины, и более того, недостаточность способов построения знания и сложившихся объяснительных схем [Юдин, 1978].

При этом фиксация неудовлетворительности наличного предмета науки осуществляется на основе практических императивов, т.е. с точки зрения того, что имеющийся предмет не соответствует новым задачам в рамках развития науки и общества. Напротив, основные понятия и принципы системного подхода позволяют формировать новые предметы изучения, задавать структурные и типологические характеристики изучаемым объектам, т.е. выявлять более широкую познавательную реальность. Поскольку «тип» — это онтологическая, а не логическая категория, то системный подход позволяет находить и выявлять разнородные (разнотипные) связи. При этом из принципиального положения о многообразии и разнородности типов связей вытекает идея о том, что объект исследования позволяет сделать не одно, а несколько расчленений (срезов) [Юдин, 1978].

Но использование концепта «системы» порождает свои методологические проблемы. Во-первых, что в реальности образует целостность? Где кончается система и начинается среда? Как определить границы между ними, не прибегая к утверждениям типа: «все — система»? Во-вторых, как задать метапозицию, чтобы оказаться вне системы? Если мы не проблематизируем субъект-объектные отношения в рамках системного анализа, т.е. не ставим вопрос о том, как задать систему, как независимый от наблюдателя объект описания и исследования, то у нас не возникает гносеологических отношений. Если же нет гносеологических отношений, то нельзя поставить вопрос об истине, т.е. о научности получаемого знания.

По своим познавательным установкам системный подход имеет много общего со структурно-функциональным анализом, с которыми его связывает не только оперирование понятиями структуры и функции, но и акцент на изучение разнородных (разнотипных) связей объекта. Вместе с тем, структурализм в отличие от системного подхода как раз позволяет решить задачу получения объективного общезначимого знания при исследовании объекта и выведения исследователя за пределы исследуемой системы. Однако это достигается путем жесткой концептуализации и абсолютизации понятия

«структура». Структурный метод нацелен на выявление инвариантов, т.е. универсальных структур в рамках той или иной целостности, системы. При этом принципиально, что структуры как целостные совокупности отношений сохраняют инвариантность при тех или иных изменениях, преобразованиях.

Отметим ряд методологических проблем, связанных со структурным анализом в рамках системного подхода или при работе со сложными многоуровневыми объектами. Во-первых, исходно вычленение структурного аспекта *осуществляется, как правило, на некоторой знаковой системе (язык)*. Во-вторых, будучи ориентированным на изучение подобных объектов, своим предельным объектом структурализм фактически видит *мышление (сознание)*, зачастую понятое как *глубинные структуры бессознательного* и универсальные схемы его деятельности, с которыми отождествляются выявленные в знаковых и семиотических системах инварианты. Универсализация структур и отождествление их с базовыми принципами функционирования объекта (будь то мышление, культура или что-то другое) ведут к тому, что выявляемые исследователем структуры, оппозиции и классификации зачастую *не являются внутренне присущими* изучаемому им объекту явлениями, напротив, они *представляют собой часть созданной ученым концептуальной схемы*. При этом характерным следующим шагом является онтологизация подобных концептуальных схем и структур, так как они начинают пониматься как истина любой системы. В пределе это означает, что сам реальный объект во всей своей специфике заранее исключается из исследования.

Однако ключевая проблема структурного анализа как самого по себе, так и в рамках системного подхода проистекает из сосредоточенности на поиске инварианта, что в принципе не позволяет (или крайне затрудняет) улавливать вариации. Более того, поскольку структуралистский подход предполагает анализ в синхроническом срезе, то многие исследователи полагают, что на том уровне, где происходит анализ, историческое измерение вообще не имеет значения, целиком стирается. Неспособность описывать в рамках данного методологического подхода вариации приводит к принципиальной статике объекта (системы) и отсутствию средств для описания динамики, переходов, генезиса объекта (проблема зарожде-

ния, формирования и исчерпания). В лучшем случае динамический аспект (изменения) предстает как диахронический срез — т.е. трансформация по абстрактным схемам.

2.4. Эмпирика и номинализм дискурса «экономических систем»

Мы используем здесь понятие «номинализм» для характеристики ключевой особенности дискурса «экономической системы» в смысле, отчасти близком к методологии истории. Согласно номинализму, исторический процесс выглядит как бесконечное повторение (но в новых каждый раз условиях) одних и тех же стадий — роста, расцвета и гибели применительно к отдельным, обладающим неповторимостью культурам (системно-структурным целостностям). Эта повторяемость предполагает некую схему, инвариантную структуру процесса, однако учитывает уникальность и неоднородность элементов каждой исторической системы.

Кроме того, номинализм дискурса «экономических систем» связан с описанием феноменов «как есть». К примеру, здесь нет проблематизации, связанной с тем, является ли описываемая система «рыночной» или «нерыночной», достаточно того, что она «экономическая» в отличие от «политической», «механической», «биологической» или какой-то еще. Такой способ описания одновременно является и эмпирическим — собственно, одно из ключевых требований системного анализа является включение рассматриваемого объекта в контекст, только в этом случае возникает «система», в вакууме, или, что то же самое, безотносительно к большинству изменений «среды» функционирует «машина», «механизм». С одной стороны, «включение контекста» является сильной стороной «экономических систем», с другой — такое описание изначально предполагает *разнородность объектов*. Если использовать прием Р. Коуза, который рассматривал неоклассическую теорию как случай, когда транзакционные издержки равны нулю, то «экономика» — это случай «экономических систем», когда контекст (среда) функционирования экономических акторов остается неизменной.

Ниже мы рассмотрим примеры: а) нынешнего ренессанса неомеркантилизма, который позволяет продемонстрировать сильные эмпирические стороны структуралистского подхода; б) технологических укладов, что позволит увидеть, как системный подход может привести к метафизичности схем и эмпирической эклектике.

Неомеркантилизм и латиноамериканский структурализм

Возникновение латиноамериканского структурализма как особого направления экономического анализа было связано с проблемами Латинской Америки и особо — гипотезой Зингера — Пребиша о неэквивалентном обмене между богатыми и бедными странами. В теории Зингера — Пребиша периферийные экономики зависят от стран центра: периферийные экономики сравнительно бедны, экономики центра, «ядра» сравнительно богаты. Принципиальным является и то, что в отношении технологий и капитала периферийные экономики зависят от экономик центра, что делает возможным применение со стороны последних различных экономических санкций, включая торговое эмбарго с целью нанесения ущерба периферийным странам.

Уже в 1980–1990-е гг. этот дискурс сменяется «Вашингтонским консенсусом», чтобы вновь актуализироваться во втором десятилетии XXI в. При этом латиноамериканскую предысторию никто уже не вспоминает. Так, Э. Райнерт [*Райнерт, 2014*] пишет о возрастающей и убывающей отдаче, ссылается на старые меркантилистские памфлеты, вспоминает исторический подход Ф. Листа, но не политику импортозамещения, которую пытались проводить в Аргентине во времена Х. Перона. Любопытно, что почти ничего не говорится о латиноамериканском структурализме и в более ранней, относительно «мейнстримной», большой обзорной работе, где история мировой экономике рассматривается в том числе и со структуралистских позиций [*Ван Дер Вее, 1994*]. Это видится нам закономерным — Райнерт, хотя и говорит о «другом каноне», пытается выстроить универсалистскую концепцию. Несмотря на то, что его подход является альтернативным по отношению к традиции Рикардо — Хекшера-Улина — идеологии глобализма, в целом Райнерт старается вписать его в дискурсивные практики «экономики»,

а не «экономической системы». Однако «материал сопротивляется». Даже простое различие богатых и бедных стран требует введения определенного контекста. Для проведения неомеркантилистской политики необходима «точная настройка». Но в таком случае необходимо не простое «двоичное» деление видов экономической деятельности на мальтузианские и шумпетерианские, а определение приоритетов промышленной и научно-технической политике в стиле «многоуровневой экономики» по Ю. Яременко.

Истории о санкциях и контрсанкциях, интеграционных союзах и их кризисах, валютной политике, нефтяных или алмазных международных картелях не получается рассказать подобно сказкам, имеющим стандартную структуру. Более того, такие истории требуют контекста, т.е. привлечения не только экономического, но и социального материала. Так, некоторые элементы описания в работе Э. Райнерта имеют очевидные параллели с исследованиями, выполняемыми в рамках мир-системного подхода Ф. Броделя и И. Валлерстайна. Иерархическая система, имеющая в каждый период времени ядро, полупериферию и периферию, изначально предполагает, с одной стороны, невозможность повторения периферийными странами чужих траекторий развития и вхождения в ядро системы; другими словами, здесь нет «общих закономерностей процесса модернизации». Однако закономерности неэквивалентного обмена, описанные Ф. Броделем, как и Р. Пребишем, инвариантны по отношению к эволюции мир-системы. В целом, дискурсивные практики, связанные с анализом неомеркантилизма, описывающие ситуацию «как есть» и абстрагирующиеся от «глубинных реалистических» последствий выстраивания однородной глобальной экономики, в которой «от свободной торговли выигрывают все», являются весьма продуктивным направлением структурного анализа, имеющим очень давние традиции. Напротив, дискурс «экономики» применительно к неомеркантилизму может использоваться исключительно для вынесения нормативных суждений: можно либо сокрушаться по поводу ренегатства западного истеблишмента, вводящего санкции и разрушающего сложившиеся институты мировой торговли, либо возмущаться тем, что относительно бедные страны не желают принимать модель благотворного глобального внешнего управления и вынуждают мудрые богатые государства заниматься их «перевос-

питанием». Пример последнего дискурса обнаруживает, например, Д. Родрик, с удивлением выяснивший, что между национальными государствами, демократической политикой и «гиперглобализацией» существуют непримиримые противоречия [Родрик, 2014].

Технологические уклады

Технологические уклады — концепция, изначально «вписанная в контекст», поскольку каждый такой уклад вроде бы формируется в рамках большого кондратьевского цикла (БКЦ), описывает технологическую структуру «как она есть». Обсуждение технологических укладов предполагает, что авторы используют дискурс «экономических систем», так как каждый такой уклад, конечно же, — система.

Анализ технологических укладов позволяет исследователю бесконечно погружаться в описание структуры системы. Такой подход, конечно, не является новым. Например, в свое время Н.Н. Колосовский, характеризуя территориальные комплексы, выделил восемь генерализованных энергопроизводственных циклов [Колосовский, 1958]. В рамках последних описывалось большинство «технологических цепочек», которые складывались во время индустриализации. Эта работа оказалась забыта, и предложенная С.Ю. Глазьевым в начале 1990-х гг. концепция «технологических укладов» [Глазьев, 1993] породила очередную дискурсивную практику описания аналогичных «цепочек», вызвавшую к жизни огромный поток научных работ. Вроде бы последнее должно вести к принципиальным изменениям в сфере экономической политики. Однако на деле, даже если принимать в расчет организацию корпораций типа «Роснано», результаты применения дискурса «экономической системы» для экономической практики следует признать весьма бедными.

Основным результатом таких исследований является то, что авторы, пользующиеся концептом «технологических укладов», позиционируют его как принципиальную альтернативу экономическому мейнстриму. К. Перес вводит для характеристики смены технологий понятие технико-экономической *парадигмы* [Перес, 2011]. Она отказывается от концепта больших кондратьевских циклов как циклов *конъюнктуры*, что проявляется, в частности, в датировке ее «парадигм». К. Перес сдвигает даты к середине кондратьевского

цикла, к появлению новых опытных разработок в сфере науки и техники. Собственно, такой дискурс действительно оказывается в «ортогональном» отношении к мейнстриму — здесь исчезает не только само понятие «равновесия», но отбрасываются и все прежние представления о закономерностях формирования цен и доходов, потребительских предпочтениях, инфляционных ожиданиях. Зато архаичная «капиталотворческая» теория кредита Й. Шумпетера доводится до уровня теории «финансовых пузырей». С.Ю. Глазьев и его последователи продолжают традиции, заложенные К. Перес, акцентируя внимание на пятом и шестом технологических укладах, при этом финансы здесь выступают всего лишь как инструмент, необходимый для государственного перераспределения ресурсов в пользу «передовых технологий».

Второй важный результат данной дискурсивной практики — она объясняет, что должно делать правительство, и в этом плане пытается бороться за символическую власть и интеллектуальное доминирование с либерально-мейнстримным нарративом в рамках дискурсивной практики «экономики». Здесь легко обнаруживается устойчиво воспроизводящийся перформативный элемент с целью закрепления в социокультурном пространстве определенного «рассказа». Чтобы догнать передовые страны, перейти к шестому технологическому укладу, нужно внедрять нанотехнологии, развивать альтернативную электроэнергетику (включая водородную), строить глобальные информационные сети, заниматься биотехнологией растений, животных, лекарств [Прогноз..., 2006, с. 24]. Это формирует миссию РАН и федеральных ГНЦ, которые должны выполнить соответствующие прорывные исследования. Правительство обязано поставить задачи перед крупным бизнесом и наукой и выделить на это деньги. Дирижистская технико-экономическая политика в данном нарративе дополняется экспансионистской фискальной политикой: нужно изъять сырьевую ренту из корпораций, которые принадлежат к прошлым, отсталым третьему — пятому технологическим укладам, и перераспределить в пользу «наукоемких производств». Напротив, консервативная кредитно-финансовая политика, которой и придерживаются российские денежные власти, — результат интеллектуального влияния вредного и ошибочного «западного мейнстрима». Последний представляется своего рода «идеологической диверси-

ей», предназначенной для сдерживания российского технологического развития и экономического роста. Пока правительство и ЦБ борются с инфляцией, уже к 2020 г. в «странах – технологических лидерах» начнет бурно развиваться шестой технологический уклад, и Россия в очередной раз может сильно отстать [*Прогноз...*, 2006, с. 24, диаграмма].

По сути, дискурс «укладов» представляет собой образец *технического детерминизма*: внедрение новой техники автоматически вызовет прогрессивные социальные изменения, решит проблемы бедности, дефицита бюджета, инфляции, доступности кредита и т.д. Данный дискурс интересен тем, что, используя «экономическую систему», она неявным образом избавляется от «экономического», сводя все проблемы к «техническим». Описание и анализ функционирования «рынков», «регионов», «государств», «финансов» здесь заменяется описанием «технологий».

Вместо заключения: о «скромном обаянии» экономической теории

Если внимательно рассмотреть, к чему в итоге привело страстное желание экономической теории во всем соответствовать стандартам математизированного естествознания и стать парадигмальной общественной наукой с соответствующим высоким статусом в обществе, мы обнаружим удивительный поворот от сциентизма к поучительным сказкам. Однако это вполне закономерно, если смотреть на это в широком социокультурном контексте развития науки и роли экономического знания в обществе. Как выяснилось, в крайне формализованной и абстрактной экономической теории существует жесткая морфологическая структура. Ее содержательные особенности напоминают структуру волшебной сказки, проанализированную Проппом. Здесь также участвуют одни и те же герои, которые разыгрывают определенные сюжеты. Количество этих сюжетов ограничено, правила поведения героев predetermined. Как ни парадоксально, но именно такая структура делает мейнстрим *убедительным (авторитетным)*, помогая ему осуществлять перформативные функции в рамках различных социальных практик. Такая жесткая структура, с одной стороны, формирует определенную реальность — и эта реальность оказывается единой для многих, если не для большинства, экономистов. Данное обстоятельство является большим преимуществом экономической науки по сравнению с другими общественными дисциплинами. С другой стороны, логический реализм дискурсивной практики «экономики» лишь закрепляет отрыв моделей от контекста. По сути, этот недостаток — следствие вышеупомянутого достоинства мейнстрима.

В целом жесткость структуры и ограниченность «числа героев» не означает, что эта структура не может претерпеть каких-либо изменений. В ней могут появиться новые (хотя и второстепенные) персонажи, которые разнообразят сюжет, но не разламывают основной структурный инвариант. Не так давно одно из таких изме-

нений произошло с фактором асимметрии информации. То же происходит сейчас и с фактором иррациональности и новым поворотом «сказки»: поведенческой экономикой. Однако такая эволюция происходит медленно, что позволяет большинству исследователей сохранять «единство реальности». Поэтому обществу в целом приятно иметь дело с экономистами: это люди с устойчивыми взглядами, принявшими на себя добровольные когнитивные ограничения. Поэтому публика примерно знает, что они будут говорить, и экономисты обычно оправдывают ожидания.

В отличие от мейнстрима, в дискурсивных практиках «экономических систем» нет «жесткого ядра», которое формирует необходимое единство. Приверженцы синергетики, экономической физики, новой экономической истории, информационной экономики, экономической социологии и т.д. говорят на разных языках. Их модели описывают разные реальности. Иногда между ними и «нормальными» экономистами есть некая общая точка входа — например, кондратьевские циклы, или, скажем, феномен рентоориентированного поведения. Это создает иллюзию взаимного понимания, но ненадолго. При расширении дискурсивной практики какой-либо «экономической системы» ее сторонники пытаются захватить место мейнстрима и навязать уже свои правила рассказывания сказок. Наиболее ярким примером такого захвата в России является дискурс технологических укладов, без которого, наверное, не обходится теперь ни один политик, рассказывающий об экономическом развитии.

ЛИТЕРАТУРА

- Асмус В.Ф. (1965). Проблема интуиции в философии и математике. М.: Мысль.
- Барт Р. (1994). Смерть автора //Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.
- Брокмейер Й., Харре Р. (2000). Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии, №3. С. 29–42.
- Бурдые П. (1994). Начала. М.: Socio-Logos. С. 208–221.
- Валлерстайн И. (2004). Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос.
- Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии, или теория общественного богатства. М.: Экономика.
- Ван Дер Ве Г. (1994). История мировой экономики. 1945–1990. М.: Наука.
- Глазьев С.Ю. (1993). Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар.
- Каломирис Ч., Хабер С. (2018). Непрочные по конструкции: политические причины банковских кризисов и дефицита кредитов. М.: Изд. Института Гайдара.
- Карнап Р. (1993). Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник Московского университета Серия 7. Философия, № 6. С. 11–26.
- Колосовский Н.Н. (1958). Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат.
- Кордонский С.Г. (2007). Ресурсное государство: сборник статей. М.: REGNUM.
- Корнаи Я. (1987). Здоровье наций. Размышления об аналогиях между экономикой и медициной // ЭКО, 1987, № 9. С. 150–166.

- Косарева Л.М. (1989). Социокультурный генезис науки Нового времени. М.: Наука.
- Кошовец О.Б. (2006). Средневековая теология воли и ее роль в генезисе науки Нового времени: от разрушения онтологии к субъективно-психологическому обоснованию познания // Философия и история науки: проблемы взаимодействия. Воронеж: Изд-во ВГУ.
- Кошовец О.Б. (2008). Эксперт и воспроизводство научного знания // Экономика как искусство. М.: Наука, 2008. С. 210–249.
- Кошовец О.Б., Фролов И.Э. (2013). Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки // Теоретическая экономика: онтология и этика. М.: ИЭ РАН.
- Леви-Стросс К. (2010). Печальные тропики. М.: АСТ; Астрель.
- Леонард Р. (2006). Ценность, знак и социальная структура: метафора игры и современное естествознание // Истоки. М.: Изд-во ГУ ВШЭ.
- Менгер К. (2005). Избранные работы. М.: Территория будущего.
- Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. (1970). Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука.
- Ореховский П.А. (2015). Авторитетный дискурс российского экономиста // Общественные науки и современность, №6, 2015. С. 97–115.
- Ореховский П.А. (2017а). Прерывистый тренд развития структурализма: альтернативная традиция экономического анализа (Р. Пребиш, Ю. Яременко, Г. Менш и другие) // Вопросы регулирования экономики, №1, т. 8, 2017. С. 6–25.
- Ореховский П.А. (2017б). Акторно-сетевой подход Б. Латура и «фактор культуры» в анализе экономических процессов // Общественные науки и современность, №3, 2017. С. 157–167.
- Перес К. (2011). Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М.: Дело.
- Прогноз инновационно-технологической и структурной динамики экономики России на период до 2030 г. с учетом мировых тенденций. М.: Институт экономических стратегий, 2006.
- Протт В.Я. (2001). Морфология волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И.В. Пешкова. М.: Издательство «Лабиринт».

- Райнерт Э.* (2014). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД Высшей школы экономики.
- Родрик Д.* (2016). Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки». М.: Изд-во Института Гайдара.
- Родрик Д.* (2014). Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Романов В.Н.* (2003). Историческое развитие культуры. Психолого-типологический аспект. М.: Изд-во Савин С.А.
- Рубинштейн А.* (2008). Дилеммы экономиста-теоретика // Вопросы экономики, №11. С. 62–81.
- Сагден Р.* (2012). Правдоподобные миры: статус теоретических моделей в экономической науке // Философия экономики. Антология. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П.* (2016). Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Фридмен М.* (2016). Капитализм и свобода. М.: Новое издательство.
- Фролов И.Э.* (2017). Историческая реконструкция возникновения денег и рынка и их теоретико-систематическое описание как экономических объективаций. В кн. «Экономика в переломные эпохи. История мировой экономики». Вып. 6. М.: ИЭ РАН. С. 75–127.
- Фуркад М., Ольон Э., Альган Я.* (2015). Превосходство экономистов // Вопросы экономики. №7. С. 45–72.
- Эйхенбаум Б.* (1922). Молодой Толстой. Петербург – Берлин: Изд-во З.И. Гржебина.
- Юдин Э.Г.* (1978). Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука.
- Vlaug M.* (2003). The Formalist Revolution of the 1950s // Journal of the History of Economic Thought. Vol. 25. No. 2. P. 145–156.
- Carnap R.* (1967). The Logical Structure of the World. – Berkeley: University of California Press.
- Colander D.* (2005). The making of an economist redux. // Journal of Economic Perspectives, Vol. 19, No. 1. P. 175–198.
- Daston L., Galison P.* (2010). Objectivity. – Zone Books.

- Fourcade M.* (2009). *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s.* – Princeton University Press.
- Leamer E.* (2008). *Macroeconomic Patterns and Stories.* – Berlin: Springer.
- Leamer E.* (2012). *The Craft of Economics.* – Cambridge, MA: MIT Press.
- Levi-Strauss C.* (1954). *Mathematics of man* // *International Social Science Bulletin*, Vol.6. P. 581–591.
- Lucas R.* (1981). *Studies in Business-Cycle Theory.* – Oxford: Basil Blackwell.
- Lucas R.* (1988). *What Economists Do* // *Chicago Papers* http://home.uchicago.edu/~vlima/courses/econ203/fall01/Lucas_wedo.pdf
- Menger K.* (1974). *Morality, Decision and Social Organization* – Springer.
- Mirowski P.* (1992). *What Were von Neumann and Morgenstern Trying to Accomplish?* // *History of Political Economy*, No. 24. P. 113–147.
- Porter T.M.* (1996). *Trust in Numbers. The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life.* Princeton University Press.
- Posner R.* (2010). *Interview with Richard Posner posted by John Cassidy* // *The New Yorker*. January 13.
- Rosenberg A.* (2011). *The Atheist's Guide to Reality.* New York: Norton.
- Ross D.* (2016). *Economics and allegations of scientism* // *Science Unlimited?* eds. M. Pigliucci & M. Boudry. - University of Chicago Press.
- Ward B.* (1972). *What's Wrong with Economics?* L: Macmillan.
- Weil A.* (1968). *Sur l'étude de certains types de bois de mariage (Système Murngin).* – C. Lévi-Strauss. *Les structures élémentaires de la parenté.* – Paris.
- Weyl H.* (2009). *Philosophy of Mathematics and Natural Science.* – Princeton University Press.

ОБ АВТОРАХ

Ольга Борисовна Кошовец⁵ – с.н.с. Института экономики РАН и Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, к.филос.н. Закончила факультет философии МГУ и затем его аспирантуру. Обучалась по программе дополнительного образования на экономическом факультете МГУ, а также стажировалась в Тюбингенском университете (Германия) по программе «Political system and economic transformation». В течение многих лет занимается анализом и консалтингом и регулярно участвует в подготовке документов для Правительства РФ, Совбеза РФ, других органов власти и госкорпораций. Регулярно участвует в ключевых международных конференциях в своей области.

Автор более 40 научных работ.

Ореховский Петр Александрович⁶ – гл.н.с. Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, д.э.н., профессор. Закончил экономический факультет НГУ (экономист-математик, 1982), аспирантуру (1989) и докторантуру Санкт-Петербургского университета экономики и финансов (1995).

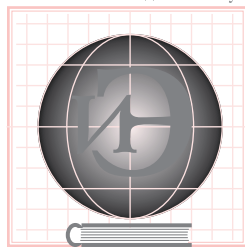
Автор более 100 научных работ.

---

5. Author affiliation: Institute of Economy, RAS; Institute of Economic Forecasting, RAS, Moscow. Corresponding author: *Olga Koshovetz*, helzert@yandex.ru.

6. Author affiliation: Institute of Economy, RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow. Corresponding author: *Petr Orekhovsky*, orekhovskypa@mail.ru.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

**Кошовец О.Б.
Ореховский П.А.**

«Экономика» против «экономической системы»
структуралистский анализ

Оригинал-макет *Валериус В.Е.*

Редактор *Полякова А.В.*

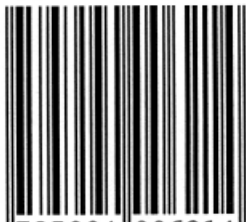
Компьютерная верстка *Борищёва И.В.*

Подписано в печать 02.04.2018 г. Заказ № 10

Тираж 300 экз. Объем 2,2 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0621-4

9 785994 006214